

ЗВЕЗДА

10

ОКТЯБРЬ

1947

Д. Лихачев

ИВАН ГРОЗНЫЙ — ПИСАТЕЛЬ

Вряд ли существует еще в средневековье писатель, который бы так мало сознавал себя писателем, как Грозный, и, вместе с тем, каждое литературное выступление которого обладало бы с самого начала таким властным авторитетом. Грозный и в самом деле не был писателем в нашем смысле этого слова. Он был далек от всякого профессионализма в своих произведениях. Все им написанное — написано по случаю, по конкретному поводу, вызвано живой необходимостью современной ему политической действительности. И именно это наложило сильнейший отпечаток на его произведения. Он нарушает все литературные жанры, все литературные традиции, как только они ему мешают. Он заботится о стиле своих произведений лишь постольку, поскольку это нужно ему, чтобы высмеять или убедить своих противников, доказать то или иное положение. Он политик, государственный человек прежде всего, и он вносит свою политическую запальчивость и в свои произведения. Все, написанное им, стоит на грани литературы и деловых документов, на грани частных писем и законодательных актов. И всюду он резко проявляет себя: в стиле, в языке, в темпераментной аргументации и, самое главное, в непрерывно дающих себя знать политических убеждениях.

Во всех областях своей кипучей деятельности Грозный был неизменно новатором, человеком, стремящимся сбросить груз многовековых традиций, остро видящим будущее и создающим интересы государства в целом. В дипломатической практике, дерзко нарушая условные формы посольских обычаев своего времени, Грозный впервые стал лично вести переговоры с иностранными послами. Грозный непосредственно сам, а не через своих дьяков или бояр, обращался и к литовскому послу Ходкевичу в 1563 г. и к польским послам Кротошевскому и Роките в

1570 г. Речь его к польским послам была столь обширна, что секретарь польских послов сказал Грозному: «Милостивый государь! таких великих дел запомнить невозможно: твой государский от бога дарованный разум выше человеческого разума». Минуя обычаи своего времени, Грозный сам непосредственно вел споры о вере с Яном Рокитой и Поссевином. Минуя словные преграды и условности средневековья, он обращался с речами непосредственно к народу. По свидетельству англичанина Горсея, царь отличался в этих выступлениях «большим красноречием», «употреблял смелые выражения». Неудивительно, что и в своих литературных произведениях Грозный дерзко нарушал стилистические традиции.

Нельзя думать, что Грозный нарушал современные ему литературные каноны «по невежеству», как изображал это его противник князь Курбский. Грозный был одним из образованнейших людей своего времени. По свидетельству венецианца Фоскарини, Грозный читал «много историю Римского и других государств... и взял себе в образец великих римлян». Грозный заказывал перевести Историю Тита Ливия и биографии цезарей Светония, кодекс Юстиниана. В его сочинениях встречается множество ссылок на произведения древней русской литературы. Он приводил на память библейские тексты, места из хронографов и из русских летописей, но знал летописи и польские и литовские. Он читал «Космографию» Себастиана Мюнстера (он упоминает ее в письме к Карлу V), «Хронику» Мартина Бельского (он пользуется ее данными в письме к Курбскому). По списку библии, сообщенному Грозным через Михаила Гарабурду князю Острожскому, была напечатана так называемая Острожская библия — первый в славянских странах полный перевод библии. Он знал «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, философскую «Диоптру» и др.

Библиотека Грозного своим богатым собранием главным образом античных писателей поразила осматривавших ее Иоанна Веттермана, Томаса Шреффера, Иоахима Шредера и Даниила Брекеля.¹ Книги и отдельные сочинения присылали Ивану Грозному из Англии (доктор Яков — изложение учения англиканской церкви), из Польши (Стефан Баторий — книги о Грозном), из Константинополя (архидиакон Геннадий — сочинения Паламы), из Рима (сочинения о Флорентийском соборе), из Троицкого монастыря, из Суздаля и т. д. Каспар Эберфельд представлял царю изложение и защиту протестантского учения, и царь охотно говорил с ним о вере. Отправляя архидиакона Геннадия на Ближний Восток, Грозный приказывал «обычай в странах тех писати ему». Он интересовался сочинениями казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Елычева об их хождении в Сибирь и Китай и т. д. Он заботился о составлении тех или иных новых сочинений и принимал участие в литературных трудах своего сына царевича Ивана Ивановича. К нему обращались со своими литературными произведениями Максим Грек, князь Курбский, митрополит Макарий, архимандрит Феодосий, игумен Артемий.

Грозный знал цену слову и широко пользовался пропагандой в своей политической деятельности. В 1572 г. литовский посол жаловался, что Грозный распространяет глумливые письма на немецком языке против короля Сигизмунда Августа, и русские не отрицали этого. Если Грозный и не был непосредственным автором этих листов, то во всяком случае он был их инициатором и редактором.

Грозный вмешивался во всю литературную деятельность своего времени и оставил в ней заметный след, далеко еще не учтенный ни в историческом, ни в чисто литературном отношении.

* * *

Грозный как писатель изучен очень мало. Не выяснен до сих пор и самый объем литературной деятельности Грозного: нет полного списка его произведений, нет точного анализа его стилистических особенностей, нет исследований его поразительного по своеобразию языка. Не все то, что исходило от его имени, было действительно им написано. Современные ему летописи сохранили множество речей, писем, посланий и молитв Грозного, но ко многим из них он имел лишь косвенное отношение, и вместе с тем много им лично написанных строк рассеяно и в различных безымянных государственных актах и тех же летописях. Во многих письмах к иностранным государям можно определить немало страниц, написанных самим Грозным. Эти страницы

¹ См. Н. П. Лихачев. Библиотека и архив московских государей. СПб. 1894, и С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI в. М., 1899.

опознаются по властному тону, по живой игре характерного для Грозного остроумия, по самому стилю грубой, сильной и выразительной речи. Особенно отчетливо этот стиль Грозного выдается в двух письмах: одном, написанном в 1543 г. шведскому королю Иоанну, где Грозный, между прочим, писал: «ты — мужичей род, а мы от Августа кесаря родством ведемся», и в другом, написанном в 1563 г. шведскому королю Эрику, составленному со «многими странными и подсмеятельными словами». Но и в других письмах к иностранным государям сказывается темпераментная, насмешливая речь Грозного. Она видна и в письмах к королеве Елизавете Английской и к польскому королю Стефану Баторию и т. д.

С большей или меньшей вероятностью мы можем приписать Грозному: 1) речи и вопросы на так называемом «Стоглавом» соборе 1551 г.; 2) некоторые письма к митрополиту Макарию, к казанскому архиепископу Гурию и к митрополиту Афанасию; 3) некоторые богомольные грамоты (например, грамота 1562 г. в Троицкий монастырь); 4) речи Грозного 1570 г. к польским послам Кротошевскому и Роките, более или менее точно записанные в русских и иностранных источниках, и к Посевину.

С полным основанием Грозному приписываются: письмо к царскому любимцу опричнику «Васютке» Грязному, два письма к Курбскому и два письма в Кирилло-Белозерский монастырь.¹ К ним и обратимся.

* * *

Переписка Ивана Грозного и Василия Грязного относится к 1574—1576 гг. В прошлом Василий Грязной — ближайший царский опричник, верный его слуга. В 1573 г. он был направлен на южные границы России — в заслон против крымцев. Грязной должен был здесь отправиться в глубь степи с отрядом в несколько сот человек и добыть языков. Но крымцы «подстерегли» отряд Грязного и настигли его. Грязной поваленный отчаянно сопротивлялся, до смерти перекусав «над собою» шесть человек и двадцать два ранив, о чем не только писал впоследствии Василий Грязной Грозному, но подтверждали и очевидцы. Грязного «чуть жива» отвезли в Крым к хану, и здесь, «лежа» перед ним, он вынужден был признаться, что он у Грозного человек «верременный» — его любимец. Узнав об этом, крымцы решили выменять его на Дивея-Мурзу — знатного крымского воеводу, захваченного в плен русскими. Из плена Василий Грязной и написал Грозному свое первое письмо, прося обмена на Дивея. Осенью 1574 г. Василий получил ответ Грозного через гонца Ивана Мяседова. С этим гонцом Грозный передал

¹ См. И. Н. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича. Соч., т. I, 1904.

Грязному свое государево жалование и сообщил ему, чтобы он не беспокоился о семье: сына его Грозный пожаловал поместьем и деньгами. Но самое письмо Грозного содержало решительный отказ выкупить его за большие деньги или обменять на Дивея-Мурзу. После этого Василий Грязной еще дважды писал царю, но крымцы не получили за Грязного Дивея-Мурзу. В 1577 г. Грязной был выкуплен за умеренную сумму, но что случилось с ним после выкупа — неизвестно.

Переписку Ивана Грозного и Василия Грязного¹ охватывает общее настроение, общий обоим дух ядовитой шутки: с одной стороны, властной и открытой, а с другой — от Грязного — подобострастной, переходящей в намеки, вызывающей на близость, стремящейся найти опору к возвращению прежних отношений. Это переписка людей, когда-то дружественных, но успевших остынуть друг к другу: Грозный уже разочарован в своем любимце, но еще сохраняет к нему приязнь; Василий же чувствует, что расположение Грозного уходит от него, и стремится поддержать его интимной, но уже осторожной шуткой, соединенной с самой беззастенчивой лестью. Оба стремятся поймать друг друга на слове: один, чтобы укорить насмешкой, другой, чтобы вымолить себе выкуп из плена. Шутка, как мяч, перелетает от одного к другому, демонстрируя находчивость обоих и слаженность выработавшейся еще за столом, «за кушанием» в покоях у Грозного, остротной игры. Но если отвлечься от этого общего им обоим тона переписки и вдуматься в ее содержание, то сразу же становится ясным различие взглядов и характеров: с одной стороны — громадный государственный человек, полный заботы об интересах государства и народа, непреклонный в своем отказе поступиться интересами государства ради личных привязанностей, а с другой — «Васютка» Грязной, мастер лихой потехи, шутник и балагур, преданный и эгоистичный, остроумный и ограниченный.

Первое письмо Грязного, в котором он просит царя об обмене его на Дивея-Мурзу, не сохранилось. Но ответ Грозного дошел до нас в своем первоначальном виде. Как и всегда, Грозный не только принимает решения, но и объясняет их. С исключительной принципиальностью ставит Грозный вопрос об обмене Василия на Дивея-Мурзу. Он не желает рассматривать этот обмен как его личную услугу Грязному. Будет ли «прибыток» «крестьянству» от такого обмена? — спрашивает Грозный. «И тебя, вед, на Дивея выменити не для крестьянства на крестьянство». «Васютка», вернувшись домой, лежать станет «по своему увечью», а Дивей-Мурза вновь станет воевать «да несколько сот крестьян

лутчи тебя пленит! Что в том будет прибыток?» Обменять Василия на Дивея-Мурзу — это с точки зрения государства «неподобная мера». Тон письма Грозного звучит наставлением, он учит Грязного предусмотрительности и заботе об общегосударственных интересах.

И, вместе с тем, несмотря на всю наставительность этого письма, оно полно вызывающей искренности, лукавой, а иногда резкой шутки к «Васюшке», как ласково называет его Грозный. Письмо Грозного, по выражению Василия, «жестoko и милостиво». Грозный смеется над тем, как неосмотрительно попал Василий в плен к крымцам, он напоминает ему о былых охотничьих забавах и о шутках за столом: «ты чаял, что в объезд (т. е. на охоту) приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас дрочон умеют ловити...»

Постепенно раздражаясь, Грозный впадает в тон жестокой насмешки. Он напоминает Василию, что с государственной точки зрения он самый обычный пленник: «а доселеве такие по пятидесят рублей бывали». Разве стоит обменивать его на Дивея-Мурзу, ставить их в одну меру: «у Дивея и своих таких полно было, как ты».

Васютка, умевший понимать шутки Грозного и когда нужно обращать их к себе на пользу, подхватывает напоминание Грозного о былых шутках за столом: «А шутил яз, холоп твой, у тебя, государя, за столом, тешил тебя государя, — а нынеча умираю за бога, да за тебя же, государя, да за твои царевичи, за своих государей...» Он принимает и другой упрек Грозного — в своем увечье и опять-таки обращает его себе на пользу, напоминая Грозному, что добыл он эти раны на службе ему: «яз, холоп твой, не у браги увечья добыл, ни с печи убился». Хоть он и будет лежать, но постарается и лежать служить своему государю: «Мы, холопи, бога молим, чтоб нам за бога и за тебя государя, и за твои царевичи, а за наши государи, голова положити: то наша и надежда...». Он отвечает и на упрек Грозного за попытку сравнить себя с Дивеем-Мурзой. Но в ответе своем он уже не шутит: он смиренно молит о пощаде — «не твоя б государская милость, и яз бы што за человек?»

Ничто не напоминает в этой переписке витийственной, поднятой на ходули риторики шестнадцатого века. Читая переписку Васютки Грязного и Ивана Грозного, забываешь, что оба были разобщены огромным по тому времени расстоянием, что письма доставлялись с трудом, доходили через многие месяцы. Перед нами свободная беседа, словно записанный разговор. Оба перекидываются шутками, как бывало «за кушанием».

¹ Тексты писем см.: П. Садиков. Царь в опричник. Сб. «Века», вып. I, 1924.

Гораздо сдержаннее и официальнее Грозный в своей переписке с князем Курбским,¹ бежавшим в Литву. В письмах Грозного к Курбскому меньше специфических «грозновских» черт. Между царем и изменником не могло быть той непосредственности, какая была в письмах Грозного к своему любимцу Василию Грязному или в письмах к кирилло-белозерским монахам. Грозный выступает здесь с изложением своих взглядов как государственный человек. Не случайно переписка Грозного с Курбским обращалась среди московских людей в качестве материала для чтения.

Грозный стремится дать понять Курбскому, что ему пишет сам царь — самодержец всея Руси. Свое письмо он начинает пышно, торжественно. Он говорит о происхождении своих предков от Августа римского. Курбский верно почувствовал тон письма Грозного, назвав его в своем ответе «широковещательным и многошумящим». Но и здесь, в конце концов, дает себя знать темпераментная натура Грозного. Постепенно, по мере того, как он переходит к возражениям, тон письма его становится оживленнее. «А жаловати есмь своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмь!» Бояре, такие, как Курбский, похитили у него в юности власть: «Подобно бесам от юности моей вы поколебали благочестие и богом данную мне державную власть себе похитили». Грозный резко возражает против мнения Курбского о необходимости ему иметь мудрых советников из бояр. В полемическом задоре Грозный называет бояр своими рабами. Повторяющиеся вопросы усиливают энергию возражений. «Эта ли совесть прокаженная, чтобы царство свое в своей руке держать, а рабам своим давать властвовать? Это ли против разуму — не хотели быть обладаемому рабами? Это ли православие пресветлое — быть под властью рабов?» «Мы родились и выросли на царстве, своим обладаем, а не чужое похитили! Русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и вельможи». «Царь — гроза не для добрых, а для злых дел; хочешь не бояться власти — делай добро, а делаешь зло, бойся, ибо царь не в туне носит меч — в мечь злодеям...»

Постепенно тон письма становится запальчивым. Он с азартом издевается и высмеивает Курбского, отпускает такие насмешки, которые уже лишены всякой официальности. Так, например, в первом письме к Грозному, «слезами омоченном», Курбский перечислял все обиды и преследования. В обличительном порыве Курбский в конце концов обещает положить свое письмо с собою в гроб и явиться

¹ Переписка Грозного и Курбского напечатана в т. XXXI Русской исторической библиотеки. Сочинения Курбского, т. I, СПб., 1914.

с ним на Страшном судище, а до того не показывать Грозному своего лица. Грозный, умевший щеголять ловкостью в спорах, подхватил и вышутил это самое патетическое место письма Курбского: «Лице же свое пишешь не явити нам до дне страшного суда божия? — Кто же убо восхощет такового ефиопского лица видети!»

Грозный мог быть торжественен только через силу. Он был чужд позы, охотно отказывался от условности, от обрядности. В этом отношении он был по-настоящему русский человек, ненавидящий позу, неискренность, условности. Как в природе выведенные из равновесия тела стремятся, в конце концов, вернуться к равновесию, так и Грозный, на время вынужденный к торжественности тона, в конце концов, переходил к полной естественности. Можно подозревать Грозного иногда в лукавстве мысли, иногда в подгонке фактов, но самый тон его писем всегда искренен. Начав со стилистически сложных оборотов, с витийственно-цветистой речи, Грозный рано или поздно переходил в свой тон, становился самим собой: смеялся и глумился над своим противником, шутил с друзьями или горько сетовал о своей судьбе. Это был поразительно талантливый человек. Казалось, ничто не затрудняло его в письме. Речь его текла совершенно свободно. И при этом какое разнообразие лексики, какое резкое смешение стилей, какое нежелание считаться с какими бы то ни было литературными условностями своего времени!..

Еще больше непосредственности во втором кратком письме Грозного Курбскому, написанном им после взятия русскими войсками Вольмера — города, в котором жил до того, спасаясь от Грозного, Курбский. Вспомнив опять своего противника, Грозный не мог не пошутить и не поиздеваться над Курбским по этому случаю. Он писал ему, между прочим: «И где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой бог нас принес».

* * *

Из двух посланий Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь¹ первое послание наиболее обширно и значительно. Оно написано по следующему случаю. Грозный сослал в монастырь несколько опальных бояр. И вот Шереметев, Хабаров, Собакин, забыв свои монашеские обеты, устроились в монастыре, как в миру, перестали выполнять монастырский устав и привели в великое «смущение» игумена и монастырскую братию, обратившихся к Грозному с просьбой унять безобразников. В ответ на это обращение Грозный и составил свое обширное послание.

Оно начинается униженно, просительно. Грозный подражает тону монашеских по-

¹ Напечатаны в Актах исторических, т. I, № 204.

«сланий, утрирует монашеское самоуничижение: «Увы мне грешному! горе мне окаянному! ох мне скверному! Кто есмь аз на такую высоту дерзати? (т. е. на высоту благочестия Кирилло-Белозерского монастыря). Бога ради, господие и отцы, молю вас, престаните от такого начинания... а мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати и чем просветити?» Грозный как бы преображается в монаха, ощущает себя чернецом: «и мнится мне, окаянному, яко исполу (т. е. на половину) есмь чернец». И вот, став в положение монаха, Грозный начинает поучать. Он поучает пространно, выказывая изумительную эрудицию и богатство памяти. Наизусть цитирует целыми «паремиями и посланиями» (как выразился о нем Курбский). Постепенно нарастают и его природная властность и его скрытое раздражение. Он входит в азарт полемики. Письмо Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь — это развернутая импровизация — импровизация в начале ученая, насыщенная цитатами, ссылками, примерами, а затем переходящая в запальчивую обвинительную речь — без строгого плана, иногда противоречивую в аргументации, но неизменно искреннюю по настроению и написанную с горячей убежденностью в своей правоте.

Грозный иронически противопоставляет святого Кирилла Белозерского (основателя Кирилло-Белозерского монастыря) — боярам Шереметеву и Воротынскому. Он говорит, что Шереметев вошел со «своим уставом» в монастырь, живущий по уставу Кирилла, и язвительно предлагает монахам: «Да, Шереметева устав добр, держите его, а Кирилов устав не добр, оставите его». Он настойчиво «обыгрывает» эту тему, противопоставляя посмертное почитание умершего в монастыре боярина Воротынского, которому монахи устроили роскошную могилу, почитанию Кирилла Белозерского: «А вы се над Воротынским церковью есте поставили, ино над Воротынским церковью, а над чудотворцем (Кириллом) нет; Воротынской в церкви, а чудотворец за церковью. И на страшном Спасове судище Воротынской да Шереметев выше станут, потому Воротынской церковью, а Шереметев законом, что их Кирилова крепчае».

Вспоминая прежние крепкие монастырские нравы, Грозный мастерски рисует бытовые картинки. Он рассказывает, что видел он собственными очами в один из своих приездов к Троице. Дворецкий Грозного — князь Иван Кубенской захотел поесть и попить в монастыре, когда этого по монастырским порядкам не полагалось, — когда уже заблаговестили ко всеобщей. И попить-то ему захотелось, — пишет Грозный, — не для «прохлады», а потому только, что жаждал. Симон Шубин и иные с ним из младших монахов, а «не от больших» («большие давно отошли по кельям» — разъясняет Грозный) не захотели нарушить монастырские порядки и «как бы шутками молвила: князь Иван-су,

поздно, уже благовестят». Но Иван Кубенской настоял на своем. Тогда разыгралась характерная сцена: «сидячи у поставца (Кубенской) с конца ест, а они (монахи) с другого конца обирают, да хватился хлебнуть испити, ано ни капли не осталось: все отнесено на погреб». «Тако было у Троицы крепко, — прибавляет Грозный, — да то мирянину, а не чернецу!»

Не то что с боярами — с самим царем монахи не стеснялись, если дело шло о строгом выполнении монастырских обычаев. И правильно делали! — утверждает Грозный. Он вспоминает, как в юности он приехал в Кириллов монастырь «в летнюю пору»: «мы поиспоздали ужинати, занеже у вас в Кириллове в летнюю пору не знати дня с ночью». (т. е. стоят белые ночи). И вот спутники Грозного, которые «у ествы сидели», «попытали (т. е. попросили) стерлядей». Позвали подкеларника Исаию («едва его с нужею привели») и потребовали у него стерлядей, но Исаия, не желая нарушать монастырских порядков, наотрез отказался. Грозный с похвалою передает безбоязненные слова, сказанные ему Исаией: «о том, о-су (т. е. государь), мне приказу не было, а о чем был приказ и яз то и приготовил, а нынеча ночь, взять негде; государя боюся, а бога надобе больши того боятися».

Настойчиво внушает Грозный монахам смелую мысль, что для них не существует никаких сословных (и вообще светских) различий. Святые — Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский «не гонялись за бояры, да бояре за ними гонялись». Шереметев постригся из боярства, а Кирилл и «в приказе у государя не был», но все равно простец Кирилл выше боярина Шереметева. Он напоминает, что у Троицы в постриженниках был Ряполовского холоп «да с Бельским из одного блюда едал». Грозный высказывает мысль о том, что монах в духовном отношении выше даже его — царя: двенадцать апостолов были рыболовами, а на том свете станут на 12 престолах сидеть и судить царей вселенной.

Приходя все в большее и большее раздражение, царь требует, накочец, чтобы монахи оставили его в покое, не писали ему и сами справились бы со своими неурядками. «Отдоху нет», — пишет он с гневом; «а уж больно докучило»; «а яз им отец ли духовный или начальник? Как себе хотят, так и живут, коли им спасение душа своя не надобеть»; «а отдоху от вас нет о Шереметеве». Чего ради, в самом деле, тревожат его монахи — «злобесного ли ради пса Василия Собакина... или бесога для сына Ивана Шереметева, или дурака для и упия Хабарова?»

Речь Грозного поразительно конкретна и образна. Свои рассуждения он подкрепляет примерами, случаями из своей жизни или зрительно наглядными картинками. Вот как изображает он лицемерное воздержание от питья: вначале только «в мале посидим поникши, и потом возведем брови, таже и горло, и прием, донележе в смех и

детем будем». Монаха, принявшего власть, Грозный сравнивает с мертвецом, посаженным на коня. Описывая запустение Сторожевского монастыря, Грозный говорит: «уже и затворити монастыря некому, по трапезе трава растет».

Его письмо, пересыпачное в начале книжными, церковнославянскими оборотами, постепенно переходит в тон самой непринужденной беседы: беседы страстной, иронической, почти спора. Он призывает в свидетели бога, ссылается на живых свидетелей, приводит факты, имена. Его речь нетерпелива. Он сам называет ее «суесловием». Как бы устав от собственного многословия, он прерывает себя: «что ж много насчитати и глаголати», «множае нас сами весте»... Грозный не стесняется бранчивых выражений: «собака», «собачий», «пес», «в зашеек бил» и т. д. Он употребляет разговорные обороты и слова: «дурость», «дурует», «маленько», «аз на то плюнул», «а он мужик очюнной врет, а сам не ведает что». Он пользуется поговорками: «дати воля царю, ино и псарю; дати слабость вельможе, ино и простому». Его речь полна восклицаний: «ох!» «увы, увы мне!», «горе ей!». Он часто обращается к читателям и слушателям: «видети ли?» «а ты, брат, како?», «ты же како?», «милые мои!» Он прерывает свою речь вопросами, останавливает себя. Он смешивает церковнославянизмы и самое низкое просторечье. Он делает смелые сопоставления библейских лиц и событий с современными все с тою же иронической целью. Богатство лексики его поразительно. Язык Грозного отличается необыкновенною гибкостью, и эта живость, близость к устной речи вносит в его произведения яркий национальный колорит. Это по-настоящему русский писатель.

Никогда еще русская литература до Грозного не знала такой страстной, эмоциональной речи, такой блестящей импровизации и, вместе с тем, такого полного нарушения всех правил средневекового писательства. Все грани между письменной

речью и живой, устной, так старательно возводившиеся в средние века, стерты. Речь Грозного полна непосредственности. Грозный — прирожденный писатель, но писатель, пренебрегающий всеми искусственными приемами писательства во имя живой правды. Он пишет так, как говорит, а говорит он, смешивая книжные цитаты с грубым просторечием, то издеваясь, то укоряя, то сетуя, но всегда искренно настроению.

* * *

Роль Грозного в историко-литературном процессе Древней Руси громадна и далеко еще не оценена. Н. К. Гудзий справедливо солижает литературную манеру Грозного с манерой Иосифлянкой школы. Однако то, что у Иосифлянок: только намечалось — разрушение канонов средневековой поэтики, то у Грозного было выражено с потрясающей силой. Живая эмоциональная речь, непосредственная национальная (и, вместе с тем, демократическая) стихия языка хлынула в письменность.

Грозный значительно опередил свою эпоху, но дело Грозного не осталось без продолжателей. Во второй половине XVII в., через сто лет, его талантливым последователем в чисто литературном отношении явился протопоп Аввакум, недаром так ценивший «батюшку» Грозного царя. Крайний консерватор по убеждениям, Аввакум был таким же, как и Грозный, мятежником против всяких литературных традиций.

Смелый и темпераментный новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый (как, например, в своем завещании 1572 г.), мастер «кусательного» стиля, но всегда принципиальный, всегда заботящийся о государственных интересах, пренебрегающий всякими литературными условностями ради единой цели — убедить своего читателя, воздействовать на него — таков Грозный в своих произведениях.